

Магические практики в городской культуре Византии середины XIV в.

Научный руководитель – Хвальков Евгений Александрович

Агеева Дарья Александровна

Студент (бакалавр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» -
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: daageeva@edu.hse.ru

На протяжении своей истории Восточная часть Римской Империи сохраняла высокий уровень урбанизации. В связи с этим неудивительно, что наряду с изучением городской культуры в целом (но в разрыве с ним) существует влиятельная историографическая традиция главным объектом исследования которой являются византийские интеллектуалы [5]. Однако из-за отсутствия исследования, которое выявляло бы общие тенденции и практики, присущие обитателям урбанистического пространства, такие феномены византийской культуры, как, например, Гемист Плифон [3, 12] отрезаны от социально-культурного единства, которым и является город. В числе прочего, в историографии практически отсутствует такой аспект городской культуры, как магические практики, присущий, меж тем, как интеллектуалам, так и обывателям. В соответствие с этим, данное исследование представляет собой попытку определить место магических практик в городской культуре Византии и их роль в формировании городского сообщества.

Поставленная цель подразумевает ряд задач, среди которых выявление различных взглядов на магию среди групп городского населения, вскрытие причин усиленного внимания Церкви к магическим практикам в XIV-XV вв. и связь данного явления с политическими реалиями эпохи. Основным источником для решения данных вопросов послужат акты Константинопольского патриархата, относящиеся к периоду патриаршества Иоанна XIV Калеки (1334-1347 гг.) [7].

Специфика работы с подобными источниками для взгляда сквозь них на народную религиозность была достаточно продемонстрирована на западноевропейском материале [1, 9]. Рассматриваемые концепции не новы и имеют ряд объективных недостатков, самый очевидный из которых - крайняя затрудненность в определении границ элитарной и народной культур (как на западноевропейском материале, так и на византийском). В связи с этим, понятия «народная религиозность» и «народная культура» в данной работе будут использоваться в качестве антитезы культуре интеллектуалов как ограниченной элитарным кругом. При этом сами интеллектуалы не будут исключены из «народа», но, наоборот, займут свое место в культурном пространстве города.

Анализ патриарших актов позволил выявить следующее.

1) В XIV-XV вв. в административном аппарате Империи осуществляется переход ряда функций светской власти к церковному аппарату, что сопровождается возрастанием влияния Церкви во внутри- и внешнеполитических делах [3, 11, 12]. Данная тенденция отмечается также на микроуровне, т.к. во-первых, число патриарших актов явно возрастает в XIV-XV вв. по сравнению с эпохой Комнинов. Во-вторых, в середине XIV в. имеет место попытка патриарха подключить светские власти к борьбе против городских магов. Говорить здесь о предпосылках создания византийской «инквизиции», конечно, было бы преувеличением, однако некие параллели с западноевропейскими реалиями, на мой взгляд, могут быть проведены [4].

2) «Magic was what the cultural Other practised as a substitute for true religion» [Magdalino, 2006, 12]. Однако данное утверждение, на мой взгляд, может быть применимо только к дискурсу Церкви. Так, маги в актах Константинопольского патриархата названы «пришлецами» (*ποικοι*) и «пришлыми мужчинами и женщинами, примешавшимися в народ Божий» (*πὸ τῶν ποικῶν ἀτῆσιμαφ; ὄδρῶν τε καὶ γυναικῶν, ἐρίσκονται δὲ ναμεμγμένοι(-αι) ἐσιμαφ; τὴν λαὸν τοῦ θεοῦ*). Появляется логичный вопрос: такое извлечение колдунов из «христианства» (*χριστιανισμὸσιμαφ;*) является риторической фигурой и/или имеет связь с историческими реалиями? Однако для текущего исследования более релевантен сам взгляд Церкви на магов как на потенциально опасного Другого. Стоит отметить, что обвинительные приговоры по делам магов, появляются впервые именно в сер. XIV в. Возможно, данный факт объясняется нерепрезентативностью источников, с другой же стороны, здесь, на взгляд автора, проявляется во-первых, уже упоминавшееся усиление роли Церкви в административном аппарате Империи, а также ее противостояние эллинизму, возрождающемуся к жизни в период Палеологовского ренессанса и способствующему оформлению эллинов как этноса [6, 12].

3) *Ἐγὼ δὲ τὸ τοῦ μὲν τὴν λόγον ποπέμπομαι, ἐσιμαφ; δημῶδη καὶ τῶν γυναικωνίτιδι παρεισαχθέντα πὸ γραιδίω* [Dickie, 1995, 18]- таково отношение отца Церкви, Василия Великого насчет такого вида магического воздействия как дурной глаз. Континуитет такого рационального взгляда на магию как на байку, недостойную внимания, можно проследить в церковных источниках более чем через тысячу лет после смерти Великого Каппадокийца. Так, слово «колдовство» (*γοετεία*), употребляемое в патриарших актах в паре с магией (*μαγεία*), помимо основного значения, также может быть переведено как «обольщение», «обман». Данный факт свидетельствует о том, что магия на уровне Церкви воспринималась как нечто, несуществующее реально и способное причинить материальный ущерб только из-за обмана, скрывающегося за таинственным, когда-то пришедшим из Персии словом *магия*.

Источники и литература

- 1) Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
- 2) Курбатов Г. Л. Византия во второй половине XIII — середине XV вв. (глава) // Культура Византии XIII – первая половина XV в. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1991. С. 202–224.
- 3) Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997.
- 4) Медведев И. П. Геннадий Схоларий как идеолог «византийской инквизиции» // Античная древность и средние века. 2002. Вып. 3. с. 264–279.
- 5) Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов: Три очерка. Ект., 1992.
- 6) Прохоров Г. М. Этническая интеграция в Восточной Европе в XIV в. (от исихастских споров до Куликовской битвы) // Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Статьи. СПб., 2000. С. 5–44.
- 7) Acta et Diplomata Graeca Medii Aevi Sacra et Profana. Vol. 1. Vienna, 1860.
- 8) Dickie M. W. The Fathers of the Church and the Evil Eye // Byzantine Magic. Washington D. C., 1995. P. 9–35.
- 9) Ginzbourg K. The Inquisitor as Anthropologist // Clues, Myths, and the Historical Method. Baltimore, 1989. P. 156–164.
- 10) Magdalino P., Mavroudi M. Introduction // The Occult Science in Byzantine. Geneva, 2006. P. 11–37.

- 11) Nicol D. M. Church and Society in the Last Centuries of Byzantium. The Birkbeck Lectures. Cambridge, 1977.
- 12) Runciman S. The Last Byzantine Renaissance. Belfast, 1968.